

А. М. СТАНИСЛАВСКАЯ

ГРЕЧЕСКИЙ ВОПРОС ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в. (1798—1807 гг.)

Основной задачей внешней политики России в начале XIX в. была борьба с наполеоновской Францией.

Трудность этой борьбы для царизма, помимо других причин, состояла в том, что французская буржуазная революция конца XVIII в., войны республиканской Франции и завоевательные походы Наполеона создали огромные изменения в настроениях народов Европы, неуклонный рост среди них антифеодальных буржуазных идей.

Процесс этот зашел настолько далеко, что царизм уже не мог игнорировать совершившиеся перемены и вынужден был пытаться примирить со своим внешнеполитическим курсом хотя бы умеренно либеральное общественное мнение Европы. Руководители внешней политики России в первые годы XIX в. понимали необходимость этого. Именно поэтому Александр I «разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе»¹.

Товарищ министра, а на деле глава русского Министерства иностранных дел князь А. А. Чарторыйский при содействии эмигранта аббата Пиатоли в 1804—1806 гг. разработал широкую программу перестройки международного права, одобренную императором. Одной из целей ее была попытка привлечь к России симпатии европейского либерально-буржуазного общественного мнения и отвлечь его от Франции. Самое могучее оружие в руках французов, гласила инструкция царя Н. Н. Новосильцову от 11/23 сентября 1804 г., заключается в общем убеждении, что «их дело есть дело свободы и блага народов», и поэтому монархические державы должны «вырвать это оружие у французов и обратить его против них самих»².

Политика царизма на Ионических островах в 1799—1807 гг.³ и была проявлением этого стремления, своего рода экспериментом «либерального» курса. При разработке Ионической конституции 1804 г. канцлер А. Р. Воронцов твердил, что эта конституция должна быть построена так, «чтобы как можно меньше вызывать недовольство у народных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XII, ч. I, М., 1935, стр. 363.

² «Мемуары князя А. Чарторыйского и его переписка с императором Александром I», т. II, М., 1913, стр. 29 (далее — А. Чарторыйский Указ. соч.). Цит. по архивному тексту (АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762, л. 24. См. также А. Чарторыйский Указ. соч., т. I, М., 1912, стр. 343—346).

³ См. А. М. Станиславская, Россия и Греция в конце XVII — начале XIX в., «История СССР», 1960, № 1, стр. 59—76.

масс, которые уже отведали свободы». Александр I придавал особое значение тому, чтобы мероприятия России на островах поддержал «средний класс...», так как именно он может наилучшим образом обеспечить их прочность», и считал, что нужно стараться «привязать к России все классы жителей без исключения и в особенности средний класс...» «Я особенно доволен, — писал он Мочениго, — что средний класс высказался в пользу новых учреждений».

Другим важным вопросом, с которым столкнулся русский царизм в Европе, был рост национально-освободительного движения. Особое значение для него имела освободительная борьба балканских народов, которая в начале XIX в. вступила на новый этап, приняв небывалые до того размеры. В Сербии и Черногории вспыхнули народные восстания за освобождение от турецкого господства. В Греции начиналась борьба против турецкого ига.

В конце XVIII — начале XIX в. России необходимо было закрепить свои позиции на Балканах и Средиземном море. В ходе наполеоновских войн Греция стала ареной соперничества России и Франции, представлявшего царизму изыскивать все способы, которые могли бы подорвать там французское влияние. От характера и исхода политики России в Греции в большой степени зависело также развитие ее взаимоотношений с Турцией.

Впервые греческий вопрос получил серьезное значение во внешней политике России в 70-х годах XVIII в. во время русской экспедиции в Архипелаг, когда действия русских сил были поддержаны греками и частично албанцами (султонами). Эскадры Ламброса Каткониса сражались на стороне России, и весь греческий народ был охвачен надеждой на скорое освобождение от турецкого ига при помощи России. После ухода русского флота из Архипелага последовал спад этих настроений. Некоторые слои греческого общества были разочарованы бесплодным, как им казалось, для Греции исходом русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Но большинство греков считало, что Кючук-Кайнарджийский мир нанес удар Турецкой империи и, следовательно, приблизил час освобождения Греции.

До последнего десятилетия XVIII в. влияние и популярность России в Греции были безраздельными. Франция считалась традиционной союзницей и покровительницей Турции, а с конца 80-х годов в этой роли выступила и Англия, державшая сторону Турции против России в войне 1787—1791 гг. Соперником России здесь была Австрия, всячески старавшаяся расширить свои связи с греками, поощрявшая их переселение в Венгрию и итальянские владения в Адриатике, засылавшая своих эмиссаров в Албанию и Черногорию, но связи ее в Греции не шли ни в какое сравнение с симпатиями греческого населения к России.

Однако французская революция во многом изменила положение в пользу Франции, которая приобрела в Греции популярность как родина освободительных идей. Война Наполеона с Турцией и поход его в Египет в свою очередь усилили симпатии к Франции со стороны некоторых греческих кругов, надеявшихся, что за поражением Турции последует освобождение Греции. Правда, тираническое правление Наполеона на Ионических островах и в других европейских странах подорвало в Греции представление о нем как об освободителе народов, но все же надежды на него у части греков остались, и русскому правительству приходилось отныне с этим серьезно считаться. Наполеон ловко и цинично спекулировал на национальных чаяниях греческого народа, его

тайные эмиссары в этот период буквально наводнили Грецию. В 1804—1805 гг., в связи с образованием третьей антифранцузской коалиции, Греция приобретала значение как возможный театр предстоявших военных действий; русское правительство ожидало, что Наполеон, базируясь на захваченные им порты Южной Италии, совершит нападение на Ионические острова, Албанию и Морею. В связи с этим оно сосредоточило на находившихся с 1798 г. под покровительством России Ионических островах крупные военные силы и провело ряд мер для обочоны островов и албано-греческого побережья. В 1805 г. в Адриатику была направлена эскадра во главе с Д. Н. Сенявным.

Но это была одна сторона проблемы. Другая сторона состояла в необходимости укрепления политических связей с народами Адриатического побережья и Балкан, в том, чтобы привлечь их на свою сторону против Франции. Решить эту задачу обычными дипломатическими приемами было невозможно. Неизжитые еще представления европейских народов об освободительном характере французской политики требовали от царизма применения новых средств. Борьба за влияние в Греции принимала до известной степени характер идеологической борьбы.

Ареной соперничества России и Франции за влияние на общественное мнение Греции стали прежде всего Ионические острова, где шла ожесточенная борьба народных масс и дворянства (нобилитета). В 1801—1802 гг. антифеодальное движение народных масс Ионических островов приняло особенно широкий характер и на время привело к их победе: в 1801 г. была принята демократическая конституция, господство nobiliteta было уничтожено.

В связи с этим перед русским царизмом встала крайне для него трудная и внутренне противоречивая задача. Нужно было, с одной стороны, подавить революционное движение на островах, а с другой — привлечь на свою сторону симпатии населения, мечтавшего о свободе, и уничтожить влияние Франции, которая хотя и стала теперь уже империей, но продолжала спекулировать, и не без успеха, на лозунгах свободы и национальной независимости.

По русско-турецкой конвенции 21 марта (2 апреля) 1800 г., Россия была признана покровительницей Ионической республики. В дальнейшем она заняла на Ионических островах господствующие позиции и превратила их в оперативную базу своих военно-морских сил в восточном бассейне Средиземноморья. В 1802 г. Александр I направил на Ионические острова со специальными и очень широкими полномочиями своего представителя графа Мочениго, в миссию которого входило упрочение революционной крамолы.

В том же году из Министерства иностранных дел вышла записка без подписи (вероятно, принадлежит В. П. Кочубею) под характерным названием: «Замечания на мероприятия, предложенные гр. Мочениго, для того, чтобы приобрести влияние на греков и воспрепятствовать французскому влиянию»⁴. В конце года русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре было предписано внимательно следить за действиями французских агентов в Архипелаге и за сношениями их с греками-майнотами, а главное — выяснить, есть ли у Франции сторонники из местного населения («своя партия») в Архипелаге, сколь велико их влияние, ведут ли они агитацию за независимость Греции, не строят ли планы подчинения страны господству Франции⁵. В дальнейших предписаниях В. С. Томаре и Мочениго этот

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, лл. 108—114. Подчеркнуто нами.— А. С.

⁵ Там же, 1802 г., д. 2221, л. 33—43. Инструкция Томаре 13(25) октября 1802 г.

вопрос занял одно из главных мест. До известной степени стремление Александра I предотвратить вторжение французов объяснялось страхом перед возможным ростом революционных настроений греческого общества. Чарторыйский подчеркивал в феврале 1804 г., что русское влияние должно предотвратить бедствия, которым подвергнутся острова, «если пагубные принципы французов пустят... корни»⁶.

Петербург надеялся ослабить влияние французской пропаганды распространением одного из основных положений легитимизма об исторической бесплодности и обреченности революции, которая будто бы с неизбежностью приводит к самовластью и тирании. Именно этот тезис был положен в основу антифранцузской агитации эмиссаров русского царизма в Греции. «Нельзя не удивляться,— писал в этой связи канцлер А. Р. Воронцов Мочениго 24 февраля (ст. ст.) 1803 г.,— судя по тактике Бонапарта в самой Франции, что его агенты находят еще в этих краях (т. е. на Ионических островах.— А. С.) людей настолько ограниченных, что они внемлют речам, которые те им расточают». Необходимо, указывал А. Р. Воронцов, «исправить их представление о характере французского режима и о том, чего они могли бы ожидать от него»⁷. Мочениго было предписано распространять на островах иностранные газеты и литературу, освещающие в соответствующем духе политику Бонапарта, что он в дальнейшем и старался делать⁸. А. Чарторыйский настойчиво убеждал одного из греческих патриотов, отставного майора русской службы Н. Пангелоса, прибывшего в середине 1804 г. в Петербург из Лондона, что «режим Бонапарта в его стране таков же, как режим султана в Константинополе»⁹.

Русские дипломаты рассчитывали, что принятие Наполеоном в 1804 г. императорского титула резко изменит настроения греков в пользу России. Они, писал Мочениго А. Чарторыйскому, «должны поразительно измениться в нашу пользу, с тех пор, как Бонапарт сбросил маску, сделавшись главой императорской династии»¹⁰.

Надеясь развеять иллюзии греков о революционности наполеоновского режима во Франции, русское правительство стремилось также показать им тиранический характер господства Франции в поработенных ею европейских странах. В составленном в Петербурге проекте манифеста, с которым предполагалось обратиться к грекам и албанцам в случае французского десанта, подчеркивалось, что французы несут не национальное освобождение, а поработение¹¹. Эту тему красноречиво развивал в беседе с Н. Пангелосом и А. Чарторыйский, доказывавший, что «французы сулят независимость лишь для того, чтобы разграбить, поработить, разорить страну, в которую они вступили»¹².

Одновременно русское правительство всячески стремилось расширить свои связи с представителями различных слоев греческого общества. Дипломатические посты в Греции сверху донизу замещались обычно греками и албанцами, состоявшими на русской службе (Мочениго —

⁶ Там же, 1804 г., д. 5008, л. 27—27 об. Инструкция А. Чарторыйского Мочениго 20 февраля (3 марта) 1804 г.

⁷ Там же, 1803 г., д. 5000, л. 11—11 об.

⁸ Например, 1 (13) июля 1806 г. Мочениго сообщал А. Чарторыйскому о мерах, принятых им для распространения известной антинаполеоновской брошюры «Картина европейской политики в 1805 г.» (там же, 1806 г., д. 5022, л. 305—305 об.).

⁹ Там же, 1803 г., д. 5000, лл. 114 об.—115.

¹⁰ Там же, 1804 г., д. 5011, л. 107 об. Дешета Мочениго от 25 июня (7 июля).

¹¹ Там же, 1803 г., д. 5008, лл. 313—314.

¹² Там же, 1803 г., д. 5000, лл. 114 об.—115.

сын находившегося на русской службе нобилия, консул в Превезе Власопуло, консул в Арте Флори, генеральный консул Бенаки и т. д., греком был и командир эпиро-суллиотского корпуса генерал-майор Попандопуло; видную роль в создании этого корпуса сыграли албанец Н. Бидили и грек Кристаки). Русское правительство всячески поощряло связи Мочениго с влиятельными греками — капитанами Дмитрием Караискосом из Вало и Варнакиоти из Ксеномеро и особенно с доверенным паши Янины, фактического правителя Эпира и Южной Албании Али-Тепелени, Игнатием, митрополитом Арты¹³.

Одним из средств борьбы против французского влияния было учреждение в марте 1804 г. русских консульств в ряде греческих и албанских городов — Салониках, Арте, Эвбее, Превезе, Влере¹⁴. Они были учреждены по предложению Мочениго, на которого и возложили фактическое руководство их деятельностью (формально консульства были подчинены русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому)¹⁵. Цель консулов, говорилось в инструкции, отвлечь греков «от всякой связи с Францией и приобрести их приверженность к России», а в случае французского десанта в Греции или Албании — привлечь жителей к вооруженному отпору.

В чрезвычайно любопытной циркулярной инструкции¹⁶ правительство предписывало консулам вывести из заблуждения людей, «зараженных мечтою французской вольности», открыв им глаза на то, что «в самой Франции существует одно только имя вольности, а в самом деле господствует Бонапарте неограниченно, что законы там безвластны, и все работает перед его самовластием». Консулам предписывалось разоблачить французскую пропаганду об особой миссии Франции в национальном освобождении европейских народов. «Просвещенные народы европейские, — гласила инструкция, — видят на опыте, что вольность, проповедуемая французскими эмиссарами, есть только мнимая, что все их обещания суть суетные и что везде, где распространилось пагубное их учение, они вместо законных властей утвердили свое самовластие с совершенным земель тех разорением», что показывает пример Голландии, Швейцарии, Италии. Необходимо, подчеркивалось в инструкции, вскрыть коварный и демагогический характер наполеоновской политики в Греции, разъяснить, что греки для Наполеона — лишь удобное орудие против Турции, так как он считает их «легковвернее других и податливее на все лестные внушения», показать, что цель Франции не способствовать созданию независимой Греции, а лишь «взволновать греков под предлогом вольности», вторгнуться с их помощью в Турецкую империю, а затем предать их Турции.

Для консулов была разработана целая система правил поведения. Они должны были завоевать «любовь и откровенность» наиболее влиятельных лиц из местного населения «и для того... приноравливаться к слабостям каждого». Сторонников Франции следовало, как сказано выше, просветить относительно истинного характера наполеоновских порядков. Но не были забыты и консервативные слои греческого общества. Чтобы добиться популярности и среди этой группы, консулам предписывалось, во-первых, строжайше соблюдать церковные правила и об-

ряды и, во-вторых, стараться распространять слухи о безверии и безнравственности французов. «Французы, — патетически восклицала инструкция, — ни во что вменяют дружбу и гостеприимство, напротив того — величаются, соблазнив жену, дочь или сестру своего друга или принявшего их в дом свой, в чем почти всегда успевают коварным своим красноречием и известной тонкостью, прикрытой наружною веселостью, которые неминуемо обольщают женщин».

Однако одних лишь рассуждений о тирании Наполеона и коварстве парижских покорителей сердец было, конечно, недостаточно для того, чтобы одержать победу над французским влиянием на греческое общественное мнение. Вопрос о том, кому — России или Франции — будет принадлежать эта победа, решался прежде всего тем, какую позицию обе стороны займут в вопросе о независимости Греции, насколько они смогут удовлетворить стремления греческого народа к национальному освобождению.

* * *

Позиция Александра I в этом вопросе была весьма уклончивой и двусмысленной. Быстро и успешно привлечь сердца греков на свою сторону русский царь мог только одним путем — прямо и открыто провозгласив себя сторонником независимости Греции. Однако именно этот путь был заказан русскому царизму. Не говоря уже о его классовой природе, в данный момент непреодолимым препятствием здесь являлась сложившаяся международная обстановка и в первую очередь русско-турецкий союз, заключенный в начале 1799 г. Для России он был необходим, и для сохранения его Александр I должен был действовать чрезвычайно осторожно. Кроме того, прямым выступлением в пользу независимости Греции он боялся оттолкнуть от себя своих союзников по борьбе с Францией — Англию и Австрию, которые ревниво следили за каждым шагом России на Балканах.

Таким образом, русская политика в греческом вопросе оказалась перед почти не разрешимым противоречием. В случае французского десанта на Ионических островах, в Албании и Море, а также для нейтрализации происков эмиссаров Наполеона в Греции Россия должна была иметь греков на своей стороне, а для этого было нужно открыто заявить о поддержке их борьбы за независимость. В целях же противодействия наполеоновским планам господства в Европе ей нужно было удерживать Турцию на стороне союзников и, следовательно, воздерживаться от открытого вмешательства в греческий вопрос. При подобных обстоятельствах оставался лишь один выход — до поры до времени маневрировать между Турцией и греками, не лишая последних надежды на помощь России, но и не связывая себя какими-либо определенными обязательствами.

В Петербурге прекрасно понимали всю сложность греческой проблемы. В докладной записке императору от 17 (29) февраля 1804 г. Чарторыйский писал: «Неужели мы совсем покинем греков и примем за правило содействовать их полному подчинению турецкой тирании? Кажется, и человеколюбие и политика одинаково не допускают этого... Это значило бы пожертвовать народами, которые привязаны к нам более столетия и только на нас и надеются. После такого поступка они никогда не доверятся бы русским, а наконец возненавидели бы их с такою же силой, с какой прежде восторгались ими»¹⁷. Впоследствии

¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, л. 114.

¹⁴ Там же, 1803 г., д. 5008, лл. 79—80. Указ Министерства иностранных дел от 3 (15) марта 1804 г.

¹⁵ Там же, л. 73 и сл.

¹⁶ Там же, лл. 272—277. Инструкция на русском языке, подписана А. Чарторыйским, не датирована, но не позднее 7 (19) апреля 1804 г.

¹⁷ РИО, т. 77, стр. 492—493.

Чарторыйский говорил, что в свою политическую программу он включил освобождение греков и славян, объединение славянских и греческих народов¹⁸. Считая возможным переход Турции на сторону Франции, Чарторыйский предлагал в случае такого перехода обещать грекам образование Восточной империи, королевства Эпирского, Афинской и Спартанской республик¹⁹. Тогда же Чарторыйский составил проект манифеста грекам, в котором сулил им полную независимость. «Наконец,— говорилось в нем,— пришел момент отвоевать ваши права, отомстить вашим угнетателям, приобрести свободу и независимость». В манифесте снова воскресал призрак греческого проекта: великому князю Константину, писал Чарторыйский, предназначено «отомстить за узурпированный трон великого Константина».

Но на проекте манифеста стоит характерная пометка: «не апробован и в дело не пошел»²⁰. Александр не хотел и не мог пойти на такой шаг. Не получил практического осуществления и другой, более умеренный проект Чарторыйского об образовании одной или двух греческих и славянских республик под верховным покровительством России и Турции (по образцу Ионической республики)²¹.

При переговорах с Турцией о заключении нового русско-турецкого союзного договора, а также при переговорах с Англией, развернувшихся в 1804—1805 гг., русское правительство подняло вопрос об уравнивании христианского населения Османской империи в гражданских правах с мусульманами (восьмая секретная статья русского проекта договора). На основе взаимности Россия была готова предоставить равные с христианами гражданские права своим мусульманским подданным²². Однако из-за сопротивления Турции, в связи с острой необходимостью отвлечь ее от Франции, на сторону которой она начала склоняться, Александр I вынужден был снять свое предложение. 18 июля и 18 августа 1805 г. А. Чарторыйский писал Италинскому, что приходится пока отказаться от восьмой статьи, оговорив за собой право вернуться к ее обсуждению в дальнейшем²³.

В целом же, как писал А. Р. Воронцов Мочениго 28 августа 1803 г., царь далек от того, чтобы «навести эти (балканские. — А. С.) народы на мысль о независимости от Турции и ускорить, таким образом, гибель (Турецкой. — А. С.) империи, которая уже и так слишком неустойчива и в которой Россия в настоящий момент имеет соседа, не дающего никаких поводов для жалоб»²⁴. Эту же мысль повторил и А. Чарторыйский, писавший Мочениго, что Турция в теперешнем своем состоянии «стала наилучшим соседом, какого мы можем пожелать — вот почему в наших интересах поддерживать ее существование и сохранять ее провинции от всех покушений»²⁵. То же он заявил и Панголоту: «отнюдь не в интересах России спориться со столь спокойным соседом»²⁶.

¹⁸ А. Чарторыйский. Указ. соч., т. I, стр. 332; т. II, стр. 97.

¹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 75—77; 1804 г., б/д. Замечания Чарторыйского на инструкцию генералу Аюрепу.

²⁰ Там же, лл. 68—74 об.

²¹ Там же, 1804—1805 гг., д. 6762, лл. 58—59. Дополнительные замечания к инструкции Новосильцову 11 (23) сентября 1804 г.

²² Там же, 1804 г., д. 2238, лл. 41—48, 91—93 об. См. об этом также А. Ф. Миллер. Мустафа-паша Байрактар. М., 1947, стр. 116, 376—377, где опубликована эта статья.

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 289—296, 241—245.

²⁴ Там же, 1803 г., д. 5000, лл. 84—91.

²⁵ Там же, 1804 г., д. 5008, л. 269.

²⁶ Там же, 1803 г., д. 5000, л. 121—121 об.

Логическим выводом из этого было решение воздержаться от открытой поддержки национально-освободительных стремлений греков. Еще в августе 1803 г. А. Р. Воронцов подчеркивал, что Петербург «не может в настоящий момент поддержать мысль о полном освобождении Греции от Порты»²⁷. «В наши намерения ни в какой степени не входит произвести революцию в Греции и вырвать ее из-под господства Порты. Россия в настоящее время не может решиться на освобождение Греции»,—так твердо и определенно писал об этом несколько позднее Чарторыйский Мочениго²⁸. «Не следует спешить дать последний толчок греческому национальному движению»,—еще раз повторил он в новой инструкции 31 июля 1804 г.²⁹

В своих непосредственных отношениях с Турцией вплоть до конфликта 1806 г. русское правительство соблюдало тщательную осторожность, стараясь по возможности не подчеркивать своего фактического преобладания в Адриатике. Предписания «менажировать» Турцию без конца повторяются в инструкциях Мочениго и Италинскому. Типичным примером в этом отношении может служить упомянутая выше циркулярная инструкция русским консулам, предписывавшая обращаться с мусульманами «ласково и дружески», проповедовать веротерпимость, указывать на благожелательное отношение к магометанам в России, заверять, что Россия желает лишь блага Турецкой империи, и т. п. Консулам категорически запрещалось вмешиваться в дела турецких подданных и разрешалось лишь неофициально ходатайствовать за греков.

Сколько-нибудь активное вмешательство в греческий вопрос откладывалось правительством Александра I до последнего, решающего момента — вторжения французов в Албанию и Морею. Если греки в этом случае не обманут надежд союзников и выступят с оружием в руках против Наполеона, тогда и лишь тогда «можно будет дать больший простор надеждам угнетенных подданных Порты»³⁰. «Если французские войска попытаются начать действия в Греции, то жители, присоединившиеся к нам, чтобы сражаться с ними, будут, без сомнения, теми единственными, которые могут надеяться в будущем на более счастливое существование»³¹,—такова была твердая позиция Петербурга в этом вопросе. Каково же было, в представлении руководителей русской дипломатии, это «более счастливое существование»?

Как уже было сказано, установление полной независимости Греции исключалось. Невозможным считали в Петербурге и предоставление Греции частичной автономии, привилегии Дунайских княжеств. Чарторыйский полагал, что при данных обстоятельствах наилучшим было бы установление для Греции того же статуса, который был принят для Ионических островов, что позволило бы и удовлетворить желания греков, и не отступать от осторожной тактики в отношениях с Турцией³².

На той стадии греческого национально-освободительного движения, которой оно достигло в первые годы XIX в., и при тогдашней международной обстановке распространение на Грецию статуса Ионических островов действительно могло иметь для нее положительное значение. Само собой разумеется, что добиться этой цели русская дипломатия

²⁷ Там же, лл. 86 об.—87.

²⁸ Там же, 1804 г., д. 5008, лл. 269—270. Инструкция 7 (19) апреля 1804 г.

²⁹ Там же, лл. 367—368, 365.

³⁰ Там же, д. 5008, л. 366. Инструкция А. Чарторыйского Мочениго 31 июля (12 августа) 1804 г.

³¹ Там же, л. 76. Тот же, тому же 8—9 (20—21) марта 1804 г.

³² Там же, л. 366.

предполагала отнюдь не революционным путем, а лишь с согласия Турции, в результате переговоров Порты и России. В инструкции генерал-майору Арепу 7 (19) мая 1804 г., возглавлявшему в 1804—1805 гг. русские силы на Ионических островах, предписывалось обещать грекам, что Россия «не оставит согласиться с Портою о мерах, на кои основать благоденствие греков, чему турецкое правительство противиться, конечно, не будет»³³. Пока же греков призывали терпеливо ждать, надеяться на помощь России и хранить верноподданнические чувства к султану. В проекте русского манифеста греческому народу (в случае войны с Францией) на все лады, с обычными приемами официального церковного красноречия повторялись эти призывы. Освобождение Греции, говорилось в нем, «придет оттуда, куда таинственно указывает св. Апокалипсис, и тогда, когда наступит время, предуказанное провидением». В ожидании же наступления указанного Апокалипсисом времени грекам рекомендовалось утешаться тем, что, во-первых, их зависимость от Турции все же легче того гнета, которому Франция подвергла европейские народы, и во-вторых, что вина за бедствия Греции лежит не на самом султана, а на местных пашах, которые рано или поздно будут султаном наказаны³⁴.

Одновременно Петербург пытался воздействовать в соответствующем духе и на турецкое правительство, надеясь убедить его в необходимости смягчить режим и дать грекам некоторые послабления. Такого рода компромисс, подчеркивал канцлер А. Р. Воронцов, был бы в интересах самой Порты, так как это могло бы, «примирив их (греков.— А. С.), так сказать, с правительством турецким, раззнакомить их с мыслею быть в независимости от оного»³⁵.

Столь же осторожно действовал царизм и в сербском вопросе. Начавшееся в 1804 г. сербское восстание создало для него серьезные затруднения, так как сербы, как и греки, искали помощи у России. И здесь Александр I занял двойственную позицию. Отталкивать сербов он не хотел, так как боялся, что они тогда обратятся к Франции и Австрии, но и помочь им по-настоящему пока также не решался, опасаясь встревожить Турцию.

Эта двойственная тактика продолжалась почти до самого разрыва с Турцией. С 1806 г. Россия помогала сербам деньгами, боеприпасами и послала военного инструктора Бей Новокрещенова (Угрич Трбинский)³⁶. Серьезную поддержку она оказала сербам в их переговорах с Портой, которую она удерживала от карательного похода в Сербию и побуждала удовлетворить требования сербов об организации внутреннего управления³⁷. При посредничестве России осенью 1806 г. было

заключено перемирие Турции с Сербией («Ичков мир»), предоставлявшее последней автономию. Дальше этого Александр I в тот момент не пошел.

Очень осложнял положение русского правительства вопрос о судьбе греческого населения той полосы Ионического побережья, которая до 1797 г. принадлежала Венеции и где были расположены греческие города Превеза, Парга и Вонница.

Заключению русско-турецкой конвенции от 21 марта (2 апреля) 1800 г. об Ионических островах предшествовала длительная дипломатическая борьба Турции с Россией, отстаивавшей эти города от притязаний Порты. Однако верх взяла Порта, и по конвенции 1800 г. господство над ними осталось за ней, хотя России удалось несколько смягчить турецкий гнет, выговорив для городов определенный статут, финансовые и судебные привилегии, которые в какой-то мере ограждали их от произвола турецких властей. Россия получила также права покровительницы тамошнего православного населения.

Конвенция 1800 г. в этой своей части вызвала острое недовольство со стороны греков и албанцев-христиан. Еще во время русско-турецких переговоров о заключении конвенции об Ионических островах они добивались перехода под покровительство России или, если это неосуществимо вследствие создавшейся международной обстановки, присоединения греческих городов к Ионической республике³⁸. В сентябре 1799 г. в Константинополь прибыла депутация Парги и Превезы, выставившая указанные требования³⁹. Когда все же было решено отдать греческие города Турции, поднялись горячие протесты, христианское население стало обращаться к Ф. Ф. Ушакову с просьбами об отмене статей конвенции, но, разумеется, при всем своем сочувствии к этим просьбам он был бессилен что-либо изменить⁴⁰.

Через сравнительно короткий срок после заключения конвенции Турция сделала попытку отнять у Превезы, Парги и Вонницы привилегии, которые были им гарантированы. Порта намеревалась наложить на жителей Парги новые налоги, изменить порядок сбора податей в Воннице и Превезы, лишить жителей права судиться местным греческим судом и носить оружие. Население греческих городов обратилось за помощью к России⁴¹. На этот раз в Петербурге реагировали быстро и решительно. В начале 1804 г. Турции было сказано, что Россия не допустит нарушения конвенции 21 марта и привилегий греческих городов⁴². Заступничество России вынудило Порту отказаться от своих планов⁴³ и сорвать злость на представителе Превезы в Константинополе, который получил резкий выговор за обращение к посредничеству

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 1—39 об. Инструкция опубликована в выдержках в работе К. Головинина «Капитан-командор Сорокин в Ионической республике». — «Морской сборник», 1882, № 9, стр. 46—51; цитируется также в работе Е. В. Тарле «Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземном море (1805—1807)», М., 1954, стр. 22—23.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 311—321 об.

³⁵ Там же, 1803 г., д. 2230, лл. 378—385 об., 395 об.—397 об. Инструкция А. Р. Воронцова Итальянскому 16 (28) ноября и 2 (14) декабря 1803 г.

³⁶ А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 148, 387.

³⁷ РИО, т. 82, стр. 275—278. Записка Чарторыйского 11 (23) января 1806 г.; АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 4—9, 43—52. Предписания Чарторыйского Итальянскому 3 (15) января и 3 (15) февраля 1806 г.; там же, д. 2257, лл. 242—246. Итальянский Чарторыйскому 16 (28) марта 1806 г.; там же, лл. 279 об.—281 об., 365—368 об. Нота Итальянского Порту 19 (31) марта 1806 г. (настоящая на прекращении военных действий против сербов). Ответная нота Порты 14 (26) апреля.

³⁸ «Адмирал Ушаков», сборник документов под ред. Р. Н. Мордвинова, т. II, М., 1952, стр. 159—160. Обращение депутатов г. Парги к Ушакову в октябре 1798 г.

³⁹ АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 895, л. 12 об.
⁴⁰ «Адмирал Ушаков», т. III, М., 1956, стр. 304—305, 307—308. Обращение парижот к Ушакову 21 апреля 1800 г. и письмо его Ф. В. Ростопчину 24 апреля 1800 г.

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5001, лл. 302—303. Письмо жителей Парги, Превезы и Вонницы Мочениго 6 октября 1803 г.; там же, 1804 г., д. 5009, лл. 50—51. Реляция Мочениго 20 марта (1 апреля) 1804 г.

⁴² Там же, 1804 г., д. 2239, лл. 56—58, 100—104 об., 168—170 об. Предписания Чарторыйского Итальянскому 15 (27) февраля, 29 февраля (12) марта), 2 (14) марта 1804 г.

⁴³ Там же, 1804 г., д. 2241, ч. 1, лл. 396—397 об. Донесение Итальянского 16 (28) марта 1804 г.

обещание, так как нет ни одного грека, который не был бы совершенно убежден в том, что Порты никогда на это не согласится, если ее не заставит силой и не пойти даже при этом на разрыв с нею», — писал Мочениго А. Чарторыйскому 18(30) сентября 1804 г.⁵⁸

Мочениго считал возможным, что греки в случае высадки французского десанта могут пойти за Наполеоном, если Россия не откажется от союза с Турцией и не выступит с решительной декларацией в греческом вопросе. «Греки в большинстве настолько угнетены и настолько увлечены мыслью, что для них есть возможность вследствие настоящих обстоятельств получить свободу, — писал он, — что, несмотря на религиозные связи, соединяющие их с Россией, всегда предпочтут первого, кто к ним с этим обратится, и захотят действовать в духе, на который рассчитывают французы». Они пойдут за любым, кто посулит им независимость, неоднократно твердил он в 1804—1805 гг. в своих письмах А. Р. Воронцову и А. Чарторыйскому⁵⁹.

Мочениго был не одинок в подобных предположениях. Посланный в 1806 г. со специальной миссией в Константинополь К. К. Родофиникин писал в августе 1806 г. министру иностранных дел Будбергу из Константинополя: «Как турки, занимающиеся земледелием и торговлей, так и греки с жадностью ожидают вторжения французских войск в сии края, дабы избавиться от несносных налогов и грабительства, причиняемых бунтовщиками (т. е. мятежными пашами. — А. С.)... Объяснял я им тяжкое положение народов, попавших под французское иго, насильный набор как молодых, так и старых во французскую армию и коликко развратили нравы женского пола французские армии повсюду, где проходили, — все сие бесполезно, ответ их непременен: хуже настоящего ничто быть не может»⁶⁰. О том же говорил и неизвестный автор неподписанной записки, приложенной к одному из мемуаров А. Чарторыйского за 1806 г. (по всей вероятности, Вернер)⁶¹. «Когда я был в Италии, — говорилось в записке, — я говорил со многими греками, которые без колебаний доверительно заявляли мне, что все греки надеются стряхнуть иго Турции с помощью французских войск, а что русские — покровители Порты Оттоманской»⁶².

Некоторые влиятельные греки говорили о том же не только частным лицам, но и официальным представителям русской дипломатии. Так, Пангонос в сентябре 1803 г. напрямик заявил Чарторыйскому, что у греков нет выбора: Франция одна лишь действует, тогда как другие державы спят⁶³. В письме Чарторыйскому Пангонос писал: «По-видимому кажется, что все греки отвратили себя от Севера и устремили взор свой на Запад»⁶⁴.

В беседе с Мочениго в июле 1804 г. пользовавшийся, по его словам, большим влиянием в Греции греки Караискос (известный клефт), Варнакиотти и др. решительно заявили русскому представителю, что греки

пойдут за первой державой, которая пообещает им освобождение⁶⁵.

К такому же выводу приходили и английские дипломаты и военные, знакомые с настроением греков. Английский генеральный консул в Мореи Морье писал в 1804 г., что в случае французского десанта греки восстанут как один человек⁶⁶. Путешествовавший в это время по Греции английский агент Вильям Лик писал в своем дневнике, что, по всей видимости, греки готовы приветствовать французский десант⁶⁷.

Уклончивая позиция Александра I привела к тому, что в некоторых греческих кругах начали зарождаться сомнения в искренности отношения его к делу независимости Греции. Упомянувшиеся Караискос и Варнакиотти, осторожно намекали на это: если обстоятельства пока не позволяют России привлечь греков для уничтожения Турецкой империи, то было бы жестоко лишь использовать их для покушения (tentative), не имеющего под собой прочной основы, говорили они Мочениго в июле 1804 г.⁶⁸ Н. Пангонос в письмах к Чарторыйскому и А. Р. Воронцову горько упрекал русское правительство в равнодушии к грекам — «усердной к России нации», привязанной к ней, «незвизрая на то, что имела очевидные примеры в самых умеренных возмездиях»⁶⁹. Пангонос звал к руководителям русской политики: «пора вам обнять греков, они пригодятся России как хлеб — брюху»⁷⁰.

Однако симпатии и доверие подавляющего большинства греческого народа по-прежнему оставались на стороне России. Даже Пангонос, открыто говоривший о своей приверженности к Франции, подчеркивал, что Россия самая популярная и любимая греками держава⁷¹. Появление русских подкреплений на Ионических островах было встречено жителями с энтузиазмом⁷² и ослабило влияние Франции, что отмечал даже враждебный России англичанин Морье⁷³. Бей Майны — области, бывшей предметом особого внимания Наполеона, — просил Мочениго уведомить Александра I, что «все древние лакедемоняне, ныне майниоты, включая меня, отдаются на его милосердие... Мы готовы пожертвовать нашей жизнью и нашей страной ради русского трона...»⁷⁴.

Подобные настроения сложились еще в ходе русско-турецких войн XVIII в. В Греции утвердилось представление о России, как о единственной державе, от которой можно ждать освобождения от турецкого ига, создались традиции боевого содружества русских и греков. Лавирование Александра I между Турцией и греками хотя и вызвало недовольство в греческих кругах, но не подорвало в целом популярности России. Греки ясно понимали, что от Франции и Англии они помощи не получают. Франция стремилась укрепить свои связи с Портой, Англия же считалась покровительницей Турции и не сочувствовала греческому

⁵⁸ Там же, д. 5011, лл. 258—259. Дешета Мочениго А. Чарторыйскому 3 (15) июля 1804 г.

⁵⁹ J. W. Baggally. Ali Pacha and Great Britain. Oxford, 1938, p. 11—12.

⁶⁰ W. M. Leake. Op. cit., vol. 1, p. 21.

⁶¹ ДВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5010, лл. 258—259.

⁶² ДВПР, ф. д. 7864. Бумаги, касающиеся майора Пангоноса, лл. 30—31. Письмо Пангоноса А. Р. Воронцову 5 сентября 1803 г.

⁶³ Там же, л. 43 об. Письмо Пангоноса Чарторыйскому 20 декабря 1803 г.

⁶⁴ Там же, д. 5000, лл. 116—120.

⁶⁵ Там же, д. 5011, лл. 220—228. Донесение Мочениго А. Чарторыйскому 28 июня (10 июля) 1804 г.

⁶⁶ J. W. Baggally. Op. cit., p. 12.

⁶⁷ ДВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5001, л. 205.

⁵⁸ ДВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 384—385; см. также донесение Мочениго 1 (13) мая 1804 г. (там же, д. 5010, л. 32).

⁵⁹ Там же, 1804 г., д. 5010, л. 41 и сл., 189; 1805 г., д. 5018, лл. 545—547. Дешети 18 (30) января, 19 апреля (1 мая) 1804 г., 22 декабря 1804 г. (3 января 1805 г.).

⁶⁰ Там же, 1806 г., д. 1880, лл. 24 об.—25. Донесение Родофиникина Будбергу 22 августа (3 сентября) 1806 г.

⁶¹ См. ряд записок Вернера за 1805 г. в РИО, т. 82, стр. 7—36.

⁶² ДВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7892, лл. 30 об.—31.

⁶³ Там же, 1803 г., д. 5000, лл. 116—116.

⁶⁴ Там же, 1804 г., д. 7864. Бумаги, касающиеся майора Пангоноса, л. 41 об. Пангонос — Чарторыйскому 20 декабря 1803 г.

национальному движению. Греки надеялись, что рано или поздно между Россией и Турцией снова вспыхнет война и тогда Петербург откинет свою прежнюю осторожную тактику и открыто выступит на их защиту.

* * *

Война, начавшаяся между Россией и Францией, и в особенности война между Россией и Турцией, разразившаяся в конце 1806 г., открыли новый этап в отношениях Греции и России.

В настроениях греческого населения произошел решительный перелом. Ионическая республика в июне 1806 г. открыто приняла сторону России⁷⁵. В Фессалии и Морее, по сведениям Мочениго и русских консулов, большинство населения держало сторону России, а не Франции⁷⁶. Военные успехи французов в конце 1805 г. не изменили этого отношения. После победы Наполеона при Ульме Мочениго направил в глубь острова Корфу своих агентов, чтобы «позондировать дух обитателей деревень и предместий». По сведениям агентов, «деревня (la campagne) расположена как нельзя более в пользу России», так же, как и жители более крупных селений. «Я не сказал бы того же об обитателях города», — писал Мочениго. Но и здесь число сторонников Франции незначительно⁷⁷. Таковы же были в общем в 1805—1806 гг. настроения населения на островах Занте и Кефалонии, считавшихся до того центрами французского влияния⁷⁸. Стоявшие ранее во главе волнений фамилии Мартиненго и Аино также были теперь преданы России⁷⁹.

Аустерлицкое поражение, переход в руки Франции по Пресбургскому миру Истрии, Далмации и Котора (Каттаро), рост французского влияния в Константинополе после Аустерлица и отход Турции с начала 1806 г. от ориентации на Россию, ослабив международные позиции последней, сделали для нее греческий вопрос еще более важным.

Чарторыйский, выступавший как представитель влиятельной правительственной группировки, составившей в 1801 г. Негласный комитет (В. П. Кочубей, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев), понимал, что подъем национально-освободительного движения на Балканах требует от царизма приспособления к сложившейся там новой политической обстановке, чтобы не потерять своего влияния на балканские народы. Уже в начале 1804 г. Чарторыйский призывал императора пойти на встречу чаяниям греков⁸⁰. В первые месяцы 1806 г. он подал Александру I ряд докладных записок по балканскому вопросу, в которых с большим темпераментом доказывал, что настало время перейти на Балканах от слов к делу⁸¹. Промедление недопустимо, писал Чарторыйский, иначе греки, черногорцы и вся райя, даже сербы «бросятся под французские знамена и с той поры будут смотреть на французов как на своих избавителей, а надежда, которую они с давних пор возлагали

на Россию, исчезнет навсегда»⁸². «Не в наших ли интересах, — восклицал Чарторыйский, — поддерживать греческие и славянские народы, защитить их и не допустить, чтобы они бросились в объятия Бонапарта, который в своих прокламациях к ним уже начинает говорить тем языком, который долгое время был языком России?»⁸³.

В принципе Чарторыйский, отражая общую точку зрения Негласного комитета, по-прежнему находил, что лучше всего — сохранение «слабого соседа», в том случае если сохранится статус кво в Восточном вопросе. Но подобного рода надежды он считал иллюзорными: окрыленный своими новыми приобретениями, Наполеон будет, по его мнению, добиваться раздела Турции, падение ее неизбежно, и Россия должна подготовиться к этому, «чтобы не быть застигнутой врасплох и не лишиться плодов сорокалетних трудов и настойчивости»⁸⁴. Чарторыйский предлагал создать на Балканах и в Адриатике «совершенно новый порядок вещей», образовав в зоне между Черным, Средиземным и Адриатическим морями государство, в состав которого войдут Сербия, Черногория, Герцеговина, Далмация и Котор и которое будет находиться под протекторатом и сюзеренитетом России. Греция и Албания, по плану Чарторыйского, должны присоединиться к Ионической республике⁸⁵.

В других случаях Чарторыйский вел речь о федерациях или союзе всех славянских и греческих республик⁸⁶.

Ясного представления о статуте проектируемого им будущего государства у Чарторыйского не было. То он отдавал его, как сказано, под протекторат и сюзеренитет России, то говорил, что оно должно находиться под верховной властью Порты и протекторатом России⁸⁷ и, наконец, считал даже возможным сделать, наряду с Россией, протектором будущего государства и Австрию⁸⁸.

Балканский проект Чарторыйского был продиктован желанием царизма использовать национально-освободительное движение балканских народов для усиления своего международного влияния, но в случае его осуществления он сыграл бы положительную роль в судьбах балканских народов. Проект был проявлением попыток царизма приспособиться к новым условиям, сложившимся на Балканах.

В начале 1806 г. Петербург открыл с Лондоном и Парижем переговоры о создании славянского и греческого государства на Балканах⁸⁹. Направленный в Лондон П. А. Строганов вел об этом беседы с Фоксом. Английское правительство после некоторых колебаний отвергло русские предложения⁹⁰.

Позиция греческого населения в начальный период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. явилась ярким свидетельством большой популярности России в Греции. Вопреки утверждениям Пуквеля, Доры Д'Ист-

⁷⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, лл. 285—287. Прокламация Сената 5 (17) июня 1806 г.

⁷⁶ Там же, 1805 г., д. 5018, лл. 21 об.—22, 31—33, 89—90. Донесения Мочениго 1 (13), 14 (26) февраля, 20 марта (1 апреля) 1805 г.

⁷⁷ Там же, д. 5017, л. 10. Реляция Мочениго Александру I 24 ноября (7 декабря) 1805 г.

⁷⁸ Там же, 1806 г., д. 5022, л. 22—23 об. Донесение Мочениго А. Чарторыйскому 15 (27) января 1806 г.

⁷⁹ Там же, л. 383—383 об. Донесение Мочениго Будбергу 17 (29) октября 1806 г.
⁸⁰ Там же, 1804 г., д. 1119, лл. 96—99. Записка Чарторыйского первой половины 1804 г.; РИО, т. 77, стр. 492—493. Записка Чарторыйского от 17 (29) февраля 1804 г.

⁸¹ РИО, т. 82, стр. 244—278. Четыре записки от 11 (23) января; там же, стр. 334—339. Записка 5 (17) апреля; АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, лл. 60—66 об. «Вопросы» 4 (16) мая 1806 г.; там же, д. 7894, лл. 1—55. «Мемуар» 30 мая (11 июня).

⁸² РИО, т. 82, стр. 336.

⁸³ АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, л. 62 об. «Вопросы» 4 (16) мая.

⁸⁴ РИО, т. 82, стр. 254.

⁸⁵ Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов (1774—1817) (далее: Бумаги Строганова), т. III, СПб., 1903, стр. 9—11. Инструкция Чарторыйского П. А. Строганову 6 (18) февраля 1806 г.

⁸⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, л. 64 об. «Вопросы» 4 (16) мая.

⁸⁷ Бумаги Строганова, т. III, стр. 9—11.

⁸⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7897, л. 49 об. «Мемуар» 30 мая (11 июня).

⁸⁹ Бумаги Строганова, т. III, стр. 9—11. Инструкция Чарторыйского П. А. Строганову 6 (18) февраля; АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 23—33 об. Инструкция Чарторыйского С. Р. Воронцову 2 (14) февраля 1806 г.

⁹⁰ Там же, 1806 г., д. 6790, лл. 284—292. Английская нота России 30 марта 1806 г. Бумаги Строганова, т. III, стр. 50—64, 80—82, 88—89.

рия и некоторых историков, писавших о равнодушии греков в начале войны⁹¹, документы говорят об обратном — о патриотическом подъеме, охватившем Грецию. Начало войны послужило также сигналом для разрыва Ионической республики с Портой. Когда Турция предложила Сенату «считать русских врагами», последний дал на это ответ, «соответствующий чувствам, желаниям и истинным интересам нации»⁹².

Разрыв России с Турцией положил конец опасным для русской политики на Ионических островах настроениям. Вновь восстанавливалось традиционное и — с точки зрения греков — естественное положение вещей: Россия с оружием в руках выступила на защиту угнетенных народов против султанской Турции. Покровительствуемая Россией, Ионическая республика стала центром греческого национального движения⁹³.

Однако и после разрыва с Турцией Александр I воздержался от решительного шага в греческом вопросе — провозглашения независимости Греции. И на этот раз его программа не отвечала в полной мере чаяниям греков. В этом отношении весьма показательны сравнение двух документов — «Проекта манифеста грекам», составленного Мочениго и отражающего в данном случае точку зрения греков, и официального «Манифеста христианским народам», подписанного Сенявиным.

Манифест Мочениго прямо открывался провозглашением независимости Греции: «Жители Греции, — говорилось в нем, — наконец пришло время сбросить ненавистное рабство, под игом которого вы изнываете в течение многих веков». Союз с Турцией, указывалось в нем, имел целью лишь защитить Грецию от насилия Наполеона. Манифест разоблачал также утверждения французской пропаганды об освободительной роли Франции, которой противопоставлялась Россия. Она, гласил манифест, «даст вам истинную свободу, не вергая вас в новые оковы». На Ионическую республику манифест указывал как на первое греческое национальное государство: «в ней вы видите зачатки процветания греков»⁹⁴.

Однако манифест Мочениго не был опубликован. Вместо него был принят значительно отличавшийся от него сенявинский манифест. «Призываю вас во имя моего августейшего повелителя, — гласил он, — признать русские силы с тем чувством, которое должны внушить религия и память о благодеяниях. Присоединяйтесь к нашим войскам повсюду и всеми способами, которые в вашей власти, чтобы сражаться против нашего врага и врага всех христиан. Я вам обещаю и гарантирую особую милость моего августейшего повелителя, которую вы заслужите»⁹⁵. Призыв к борьбе за национальную свободу был заменен здесь обращением к религиозным чувствам, вместо обещания национальной независимости речь идет о весьма расплывчатом и неопределенном обещании «особой милости августейшего повелителя». Пламенный, почти республиканский стиль первого манифеста резко отличался от церковной фразеологии второго.

Характерно, что сам Сенявин прекрасно понимал ограниченность и умеренность своего манифеста. В чрезвычайно интересном, не известном

⁹¹ F. G. Pouqueville. Op. cit., t. I, p. 214 Dora d'Istria. Les îles Ioniennes sous la domination de Venise et sous le protectorat britannique. — «Revue des deux mondes», 1858, vol. XVI, p. 401.

⁹² АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5029, л. 65—66 об. Реляция Мочениго Александру I 11 (23) февраля 1807 г.

⁹³ См. А. М. Станиславская, Указ. статья.

⁹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5030, л. 64—66 об. Проект манифеста был приложен к донесению Мочениго Будбергу от 11 (23) февраля 1807 г.

⁹⁵ Там же, л. 67—67 об.

доньне историкам письме своем Александру I Сенявин откровенно объясняет и причины, заставившие его отказаться от попытки поднять греков на открытую борьбу за независимость. «Объявления сии, — пишет он о своем манифесте, — составлены в самых умеренных выражениях, а умеренность сия внушаема мне была опасением подвергнуть греков жестокому и для нас весьма предосудительному мнению со стороны турок на случай внезапного примирения нашего с Портою Оттоманскою, которое, по доходящим до меня сведениям, довольно имело вероятности. К сему должен я присовокупить, что, не быв снабжен решительными представлениями относительно сих единоверцев наших, уже неоднократно за нас подвизавшихся, не должен был я чинить им таких обещаний, кои предосудительностию вашей, всемилостивейший государь, отсрочена может быть до удобнейшего времени»⁹⁶.

При всей своей неосведомленности о тайнах политики Александра I Сенявин правильно уловил стремление царя отложить «до удобнейшего времени» окончательное решение греческого вопроса, его всегдашнюю готовность пожертвовать судьбами греков для своих корыстных политических расчетов.

Греческое национальное движение этой поры выдвинуло ряд тесно связанных с Россией деятелей, среди которых были представители как консервативных, так и более прогрессивных кругов. К числу первых относится Игнатий, митрополит округа Арты. Это был человек больших способностей, с широкими политическими связями⁹⁷, долгое время бывший личным секретарем и ближайшим доверенным лицом Али Тепелени. Русские представители на островах получили в нем надежный и чрезвычайный ценный источник информации о замыслах Али, о его связях с Францией и Англией и об отношениях с Турцией. Али часто поручал Игнатию вести дипломатические переговоры с Мочениго и правительством Ионической республики, что давало митрополиту широкие возможности оказывать Александру I немалые услуги. Петербург высоко ценил Игнатию и делал ему богатые подарки⁹⁸. В конце концов связи Игнатия с Россией были раскрыты, и, спасаясь от мести Али, он в начале 1806 г. бежал на Ионические острова⁹⁹. Здесь Игнатий вместе с Каподистрия играл очень видную роль в организации бежавших на острова от турецкого гнета греков и сулиотов. Впоследствии он был митрополитом Бухареста¹⁰⁰.

Своеобразной и сложной фигурой зарождавшегося греческого национального движения был уже неоднократно упоминавшийся Н. Пангосос, о котором в исторической литературе мы находим лишь случайные упоминания¹⁰¹. Пангосос, находясь на русской службе, выделялся еще во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Получив отставку с чином майора, он обездлил пол-Европы, побывал в Молдавии, Вене, Триесте

⁹⁶ Там же, 1807 г., д. 1908, л. 3. Реляция Сенявина Александру I 14 (26) марта 1807 г.

⁹⁷ См., например, W. M. Leake. Op. cit., vol. I, p. 202—203, а также глухое упоминание о митрополите Игнатию у Th. Gordon. History of the Greek Revolution, vol. I, London, 1832, p. 38—39.

⁹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 77, 86, об.—87. Инструкции Чарторыйского Мочениго 8 (20) и 9 (21) марта 1804 г. См. также благодарственное письмо Игнатия Александру I 18 (30) сентября 1804 г. (там же, д. 5011, лл. 414—415).

⁹⁹ Там же, 1806 г., д. 5022, лл. 31—32. Донесение Мочениго 23 января (4 февраля) 1806 г.

¹⁰⁰ N. Jorga. Histoire des états balkaniques. Paris, 1925, p. 207—208.

¹⁰¹ Ф. Маргенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. т. XI, стр. 79—80; N. Jorga. Op. cit., p. 84, 204; его же. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. V. Gotha, 1913, S. 241.

сте; на Ионических островах, в Англии, Петербурге, повсюду стараясь привлечь интерес к делу освобождения Греции. Еще в 1799 г. В. С. Томара писал о Панголосе, что он «есть один из беспокойнейших греков, вития площадной, собирающий везде последователей. Таким я его видел в Молдавии, в Вене, в Триесте и в Венециях (Ионических.— А. С.) островах». Считая, что опасно пускать Панголоса на Ионические острова, где он «может произвести всякую суматоху», Томара решил направить его под арестом в Россию¹⁰².

Политические взгляды Панголоса не отличались определенностью. Будущее греческое государство он представлял себе, насколько можно судить по его высказываниям в беседе с Чарторыйским в 1804 г., в виде конституционной монархии с двухпалатной системой, причем в нижней палате должны были быть представлены третье сословие и крестьянство. Панголос стоял при этом за уничтожение феодальных ограничений и полное освобождение крестьян с землей.

Панголос не скрывал, что ради освобождения Греции он и его сторонники готовы пойти за любой иностранной державой — Англией или Францией, лишь бы она поддержала греческое национальное движение. А. Чарторыйский подозревал даже, что во время пребывания своего в Англии он вел там соответствующие переговоры. Однако Панголос всегда убежденно заявлял, что лишь у России греки надеются найти бескорыстную и братскую помощь, указывая вместе с тем на некоторое падение влияния России в Греции в связи с тем, что Кючук-Кайнарджийский мир не принес непосредственного облегчения положения греков, а в последующий период царская дипломатия уделяла мало внимания греческому вопросу.

Чарторыйский видел в Панголосе страстного патриота — «человека, очень привязанного к интересам своей родины и выше всего ставящего ее освобождение»¹⁰³. В Петербурге было решено использовать Панголоса и принять его предложение о создании в Греции греческого легиона¹⁰⁴. По его же просьбе в Одессе в конце 1803 г. был сформирован греческий батальон и предполагалось также создать в России воспитательные заведения для греческой молодежи¹⁰⁵.

В 1803 г. Панголос был направлен в Грецию не только для формирования греческого корпуса, но и для пропаганды против Наполеона, причем эта сторона его миссии считалась наиболее важной; на Панголоса в этом отношении русская дипломатия возлагала большие надежды. Греки, писал ему в личном письме канцлер А. Р. Воронцов, «по нетерпеливости своей бросаюся в руки тем, кто вместо доставления вольности, ими ожидаемой, причиняет им совершенное разорение», т. е. в руки Франции. Канцлер ставил перед Панголосом задачу внушить грекам «истинную их пользу и выгоды и охранить их советами... от предстоящей им гибели, если они поддадутся на лестные обнадешивания французского правительства»¹⁰⁶. В этом же духе писал Панголосу и Чарторыйский¹⁰⁷.

Однако необузданная энергия Панголоса внушала и Мочениго и А. Чарторыйскому некоторые опасения: они боялись, что он может зай-

¹⁰² АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 902, лл. 47—48. Донесение Томара Кочубею 1 (13) июня 1800 г.

¹⁰³ АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7864, л. 1—1 об.

¹⁰⁴ Там же, д. 7864, л. 30—30 об. Письмо Панголоса А. Р. Воронцову 5 сентября 1803 г.

¹⁰⁵ Там же, лл. 62—62 об., 63. Письма канцлера А. Р. Воронцова Панголосу 30 декабря 1803 г. (11 января 1804 г.) и 10 (22) февраля 1804 г. Копия.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, д. 7864, л. 63 об. Письмо 8 (20) марта 1804 г. Копия.

ти слишком далеко и тем самым осложнит взаимоотношения России с Турцией. Все же А. Чарторыйский отважился на эксперимент, надеясь, как он писал Мочениго, что, несмотря на свой экзальтированный характер, Панголос способен понять причины, по которым «Россия в настоящее время не может решиться на освобождение Греции»¹⁰⁸.

Но эксперимент окончился полной неудачей. Попав на родину, Панголос вышел за отведенные ему пределы и стал распространять в Морею подложное циркулярное письмо будто бы от имени русского правительства, содержащее формулу присяги греков-патриотов, клятву собираться под знаменем России, чтобы сражаться за освобождение Греции.

Турецкое правительство, получив известия о действиях Панголоса, естественно, всполошилось. Встретились и Петербург, где никак не ожидали подобного оборота событий. Панголос был официально дезавуирован, причем было указано, что Россия не будет возражать, если Порта сочтет нужным арестовать его, что было принято в Константинополе с большим удовлетворением¹⁰⁹. Панголосу пришлось вернуться в Россию¹¹⁰, и его фавору у Чарторыйского и А. Р. Воронцова пришел конец.

Вторично мы видим Панголоса на политической сцене в конце 1805 г. Война с Францией дала ему возможность снова выступить с предложениями о создании греческого легиона. Он предложил Чарторыйскому набрать для русской службы 2 тыс. греков в России и 10 тыс. за ее пределами¹¹¹. В январе 1806 г. Панголос обратился уже непосредственно к Александру I с просьбой разрешить ему сформировать корпус в 20 с лишним тысяч «единородных охотников»¹¹². Он пытался также использовать входившего в это время в силу Аракчеева. В письме к последнему Панголос страстно убеждал его в губительности дальнейшего промедления. Россия, писал Панголос, должна немедленно возглавить освободительное движение на Балканах, иначе будет поздно: черноморцы переметнутся к Наполеону, и «единоверцы охладеют и навсегда отдалятся от России». Поэтому желательно, чтобы Россия «призвала опять к себе единоверные народы, ибо, если противное сему случится, то никто больше ее не послушает». Панголос советовал немедленно двинуть находившиеся на Корфу русские силы в Морею и Эпир¹¹³. Все эти призывы остались без ответа.

В 1806 г. Панголос заключил договор с господарем Валахии Ипсиланти, обязавшись сформировать трехтысячный «эллиногреческий корпус». Корпус был им действительно сформирован и принимал участие в военных действиях против Турции. По словам Панголоса, он насчитывал 1500 чел., по данным генерала Исаева, — 400 чел.¹¹⁴. Корпус этот, однако, вскоре был расформирован вследствие конфликта Панголоса с Исаевым, не без основания обвинявшим его в недисциплинированности и ряде служебных проступков.

¹⁰⁸ Там же, 1804 г., д. 5008, лл. 269—270. А. Чарторыйский — Мочениго 7 (19) апреля 1804 г.

¹⁰⁹ Там же, д. 2239, лл. 372—374 об. Инструкция Чарторыйского Итальянскому 13 (25) августа 1804 г.; там же, д. 2245, лл. 16—20 об. Донесение Итальянского 10 (22) сентября 1804 г.

¹¹⁰ Там же, 1804 г., д. 1119, лл. 182—184. Протокол заседания русского комитета на Корфу 17 (29) сентября 1804 г.

¹¹¹ Там же, 1805 г., д. 7889, л. 3—3 об. Письмо Панголоса Чарторыйскому 30 ноября 1805 г.

¹¹² Там же, 1806—1808 гг., д. 7913, л. 5. Прошения Панголоса Александру I 3 января 1806 г.

¹¹³ Там же, л. 2—2 об. Письмо Панголоса Аракчееву 14 мая 1806 г. Копия, перевод.

¹¹⁴ Там же, д. 7913, лл. 3—8. Рапорт Панголоса генерал-лейтенанту С. М. Каменскому, 1806 г., б/д.

В течение нескольких лет Пангонос упорно боролся за восстановление своего отряда, посылая кому только было возможно, в том числе и царю, рапорты, прошения и записки, описывая боевые заслуги греческого корпуса в кампании 1806 г., жертвы, понесенные своими соратниками, интриги и преследования генерала Исаева. Все это кончилось для него довольно печально. В апреле 1808 г. он получил от генерал-лейтенанта Милорадовича приказ, гласивший: «Строжайше подтверждаю вам отныне и навсегда, дабы вы не осмеливались впредь обременять его императорское величество недельными вашими просьбами»¹¹⁵.

Русское общественное мнение в первые годы XIX в. не питало еще такого страстного интереса к делу независимости Греции, которое охватило его в 20-х годах, в период греческого восстания¹¹⁶. Но и тогда передовые круги внимательно следили за событиями в Греции. Так, А. С. Кайсаров приветствовал некоторые мероприятия русского правительства на Ионических островах. «Кажется, — писал он в конце 1803 г., — благословенной Руси и не узнаешь, возвратившись на нее: иное так скоро перевернуло, что за несколько лет казалось совсем невозможно, — в пустынях воздвигают храмы музам, грекам дают вольность¹¹⁷, американцев учат русской азбуке...»¹¹⁸ С другой стороны, нерешительная позиция Александра I в греческом вопросе находила критиков как в лице представителей среднего провинциального дворянства, так и в кругах высшей знати, боявшейся за русское влияние в Греции. П. В. Завадовский, например, указывал, что «исторгается из рук наших преважный способ, которым мы могли всегда действовать на Порту...», и считал активную поддержку балканских народов более соответствующей интересам русской политики. «Мне кажется, — писал он канцлеру, — что политика трескает, чтобы народы, покровительствуемые нами в Турции, не лишены были упования на нас»¹¹⁹. Напротив, реакционер Ф. В. Ростопчин брюзгливо рассуждал о неизбежности общего восстания в Греции в случае войны между Россией и Турцией («все греки взбунтуются по ненависти к туркам и по ветренности природной»)¹²⁰.

Десятилетие 1798—1807 гг. было важным этапом в развитии русско-греческих отношений, подготовившим почву для той большой роли, которую сыграла Россия в борьбе Греции за независимость в 20-х годах прошлого столетия.

¹¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1806—1808 гг., д. 7913, лл. 62—63. Приказ Милорадовича Пангоносу 13 апреля 1808 г.

¹¹⁶ Об отношении русской общественности к греческому восстанию см. А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, стр. 69—86.

¹¹⁷ Подчеркнуто нами. — А. С.

¹¹⁸ Архив братьев Тургеневых, вып. 2, СПб., 1911, стр. 127. А. С. Кайсаров — И. П. Тургеневу 16 (28) ноября 1803 г.

¹¹⁹ Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 281. Завадовский 24 апреля (6 мая) 1804 г.

¹²⁰ «Деятельный век», кн. II, М., 1872, стр. 106. Ростопчин — Цицианову 10 (22) января 1806 г.